

Чу Даньфэн чувствовал, что задыхается. Казалось бы, оба — взрослые мужики, но эта картина со всех сторон выглядела донельзя развратной!

Хуа Тинсюань вдобавок ко всему взял в рот ту самую родинку, принявшись поцелуями и посасываниями подниматься от щиколотки выше, а нижнее белье тем временем съезжало всё ниже и ниже... Это определенно было неправильно!!!

В отчаянии Чу Даньфэн одним махом бросился вперед, пытаясь остановить Хуа Тинсюаня, но его рука лишь призрачно прошла сквозь чужое тело. На этом моменте он окончательно утвердился в мысли, что это сон.

Очень скоро Чу Даньфэн обнаружил, что он бессилён помешать «бесчинствам» Хуа Тинсюаня и не может покинуть эту комнату, оставалось лишь с замиранием сердца наблюдать за развитием сюжета.

...Впрочем, на это действительно было больно смотреть. Ты куда лапаешь?! Быстро отпусти! Я же твой шисюн! Тот самый шисюн, который растил тебя, меняя пеленки и вытирая сопли, с чего вдруг старший брат равен отцу?!

Черт побери, не снимай штаны, мать твою! Что ты, черт возьми, удумал! Посмотри хорошенько, я настоящий мужик, и у меня тоже кое-что есть, да такое, что при случае побольше твоего окажется... Погоди-ка, почему у твоего такой размер... божечки?!

Чу Даньфэн с окостенелым лицом отвернулся, чувствуя, что у него сейчас случится сердечный приступ.

...

Хуа Тинсюань вдоволь наигрался с «Чу Даньфэном», но выражение полного насыщения на его лице еще не исчезло, как сменилось скорбью, и он тихо позвал: «Шисюн».

Чу Даньфэн стоял рядом и бушевал: Да у тебя, блин, совести нет шисюном меня называть! Разве то, что ты только что вытворял, подходит делать по отношению к шисюну?!

Однако это «шисюн» звучало всё горше и печальнее, под конец напоминая крик занемогшего сыча, и до того искренне, что у Чу Даньфэна пропало всякое желание продолжать бранить его. Но «Чу Даньфэн», лежавший на постели, по-прежнему никак не реагировал. Хуа Тинсюань тщетно умолял его открыть глаза, и наконец одна слеза упала на щеку «Чу Даньфэна». Юноша слизал этот мокрый след и крепко прижал человека к груди, дрожащим голосом произнося: «Шисюн, ты всё еще сердишься на меня, поэтому и не хочешь даже словом со мной перемолвиться. Это твое наказание для меня?»

— Если это наказание, то цель достигнута, сейчас я действительно чувствую себя хуже мертвеца, — горько усмехнулся Хуа Тинсюань и свирепо спросил: — Шисюн, ты доволен?

Выражение на лице юноши вновь схлынуло, словно прилив, и он жалобно пролепетал: «Сюань-эр был неправ, умоляю... посмотри на меня».

Обливаясь холодным потом, Чу Даньфэн очнулся от кошмара. Раскрыв глаза, он первым делом увидел охранявшего его постель Шицзуня, а также... пристроившегося рядом с ним Хуа Тинсюаня в облике маленького пухляша.

— !!!

Чу Даньфэн мгновенно взъерошился, подпрыгнув словно на пружине, и единым махом соскочил с кровати. К несчастью, тело всё еще было немного слабым, он пошатнулся и едва не рухнул на пол, но к счастью, Мэн Цаньюй среагировал молниеносно и поддержал его.

— Шицзунь, — едва открыв рот, Чу Даньфэн сам испугался собственного голоса: тот до ужаса охрип. Переведя дыхание, он спросил: — Сколько я спал?

— Немного, три часа.

Всего три часа? Неудивительно, что уже стемнело.

Чу Даньфэн невольно бросил полный остаточного страха взгляд на притихшего рядом карапуза. Тот еще не проснулся, представляя собой пухлый и мягкий комочек, который выглядел совершенно безобидным и неспособным причинить вред.

Однако только что пережитый сон был до того реалистичным и... до того странным. Чу Даньфэн дважды собирался с мыслями, прежде чем набраться смелости и спросить: «Шицзунь, неужели трава Яолан Фуцзинь заставляет людей... видеть кошмары?»

Мэн Цаньюй ответил: «Побочный эффект этой духовной травы заключается в возмущении рассудка. Это не обычное сновидение: возможно, это незаживающая сердечная боль, а возможно — дикие, безумные иллюзии. Что тебе приснилось?»

Чу Даньфэн: «.....»

Чу Даньфэн до того смутился, что у него даже кончики ушей покраснели, и, запинаясь, произнес: «Совсем не сердечная боль, должно быть, просто обычное видение».

Мэн Цаньюй кивнул: «Ну и хорошо. Сяо-У, запомни: трава Яолан Фуцзинь — сокровище небес и земли, но в то же время это опасное, мощное лекарство, с ней нужно обращаться крайне осторожно. Иллюзии могут быть как пустяком, так и серьезной проблемой — обязательно крепи основы своего Дао, чтобы не допустить зарождения демонов сердца. Протяни руку, я проверю твой пульс».

Чу Даньфэн послушно протянул руку, позволяя Мэн Цаньюю с помощью духовного чутья исследовать его внутренние чертоги.

«Неплохо, лекарство подействовало. Однако в деле восстановления золотого ядра нельзя стремиться к быстрой выгоде: используй лекарство каждые семь дней, и по-прежнему принимай лишь воду, настоянную на духовной траве, с каплей крови из пальца Сяо-У в качестве проводника... Впрочем, с давних времен редко кто добровольно делился своими возможностями с другими, и то видение, что приснилось тебе...» — а впрочем, это вполне мог быть и не отпускающий Сяо-У демон сердца.

Но эта мысль мелькнула и тут же угасла, отвергнутая Мэн Цаньюем: в конце концов, его младший ученик — всего лишь пятилетний малыш, откуда у него взяться демонам сердца?

— Шицзунь?

Мэн Цаньюй покачал головой: «Я к тому, что раз уж это возможность Сяо-У, он еще слишком мал, нужно посмотреть, сможет ли он выдержать побочные эффекты духовной травы».

Чу Даньфэн серьезно ответил: «Это само собой разумеется».

Вскоре после этого Хуа Тинсюань тоже заворочался, протирая глаза, и, заметив Чу Даньфэна, привычным движением широко раскинул маленькие ручонки, обнимая его, и радостно произнес: «Как здорово, шисюн не бросил меня». — ..... — Чу Даньфэн сглотнул застрявшее в горле исправление, но так ничего и не произнес. В конце концов, он только что воспользовался чужой возможностью, и у него не хватило наглости выгонять ребенка в такой момент.

Мэн Цаньюй обратился к Хуа Тинсюаню:

— Чувствуешь ли какое-нибудь недомогание?

— Нет, — покачал головой малыш.

Лицо ребенка было румяным, вид — сытым и довольным, словно он вволю выспался. Если не считать едва выступившего на теле пота, от которого промокла одежда, казалось, что с ним все абсолютно в порядке.

Мэн Цаньюй успокоился и окончательно решил:

— Даньфэн, тебе ведь для каждого лекарства требуется брать у него кровь из пальца. Для удобства пусть Сюань-эр останется рядом с тобой.

— ..... — Чу Даньфэн посмотрел на глядящего на него снизу вверх и преданно заглядывающего в глаза малыша. На душе у него скребли кошки, но он все же ответил: — Слушаюсь.

— И еще, в Огненном пруду на Задней горе очень плотная духовная ци — лучше всего расслабляет сухожилия и улучшает циркуляцию крови, — Мэн Цаньюй протянул нефритовый жетон. — Отведи младшего брата искупаться туда.

— Мне отвезти... отвести младшего брата... купаться? — Самим богам ведомо почему, но Чу Даньфэн вдруг живо припомнил сцену из своего сна и счел совместное купание крайне неподходящим делом. Однако Шицзунь, судя по всему, истолковал всё неверно и с улыбкой произнес:

— Не стоит так удивляться. Во-первых, лекарственная сила духовной травы слишком мощная, я опасаясь, что вы не выдержите. Во-вторых, твое золотое ядро разбито уже давно, и меридианы неизбежно забиты и рефлекторно сужены, а Сюань-эр тоже должен подготовиться к введению ци в тело. Огненный пруд лотосов как раз идеально вам подойдет. Для наставника нет ничего особенного в том, чтобы время от времени уделять ученикам особое внимание.

Огненный пруд лотосов находился неподалеку от центра духовной жилы пика Лисюй и был сокровищем Мэн Цаньюя. Без его нефритовой бирки туда не смел ступить никто, и лишь когда он сам или его ученики сталкивались с тупиком в культивации, Шицзунь соглашался открыть Огненный пруд лотосов.

— Однако об этом деле никому не упоминайте.

Чу Даньфэн подумал, что Шицзунь опасается утечки вестей и того, что старшие братья и старшая сестра сочтут, будто он проявляет предвзятость, но услышал, как Мэн Цаньюй сурово произнес:

— Трава укрепления сухожилий Яолан — это редчайшее сокровище небес и земли, которое едва ли встретишь раз в тысячелетие. Как говорится, владение нефритом становится преступлением для его хозяина. Даньфэн, пока твое золотое ядро не будет полностью восстановлено, лучше хранить этот секрет в тайне, чтобы избежать лишних осложнений.

И верно, Шицзунь не мог защищать его каждую секунду, а сам он сейчас обладал лишь силой ступени Основания Ци, и если у кого-то возникнут дурные мысли отобрать сокровище, то и он, и младший соученик окажутся в опасности.

Лучшим способом было пока не поднимать шум и тихо стяжать богатство.

Огненный пруд лотосов, как следовало из названия, питал целое море пламенеющих лотосов, под воздействием которых вода превратилась в естественный горячий источник, а над ее поверхностью клубился легкий белый туман. Чу Даньфэн ещё не до конца отошёл от того будоражащего сна. Поразмыслив туда-сюда, он всё же повернулся к Хуа Тинсюаня спиной, прежде чем снять верхнюю одежду. Кто же знал, что когда спадёт верхняя халат из нежной полупрозрачной марли, останется белоснежное нательное белье, а под ним — гармонично сложенное тело старшего брата.

Его длинные, словно тушь, волосы ниспадали до самой талии, стан был упругим и тонким, а линия перехода к крутым подтянутым бедрам изгибалась невероятно соблазнительно.

Чу Даньфэн первым ступил в бассейн с горячим источником и, погрузившись в воду с головой, облегченно выдохнул, после чего громко поторопил малыша, всё ещё стоявшего столбом на берегу:

— Чего стоишь, почему не заходишь?

Лицо малыша покраснело так, будто с него капала кровь, а в чёрных, словно смоль, глазах словно мерцали звёзды. Он горячо и неотрывно смотрел на своего старшего брата, облизнул пересохшие губы и только тогда отозвался:

— Иду.

Чу Даньфэн совсем не обратил внимания на его смущение — вода в источнике была слишком горячей, стоило ему только забраться внутрь, как ему показалось, что он сейчас сварится, хотя духовная энергия здесь и вправду переполняла всё вокруг, принося истинное блаженство. Он лишь в задумчивости разглядывал лицо паренька: черты лица этого ребёнка ещё до конца не сформировались, зрачки были чёрными и влажными, а пара фениксовых глаз, хоть и обретала первые очертания, была еще далека от той высокомерной властности, что проявится позже. Да и щеки оставались пухлыми — это было одновременно похоже и в то же время совершенно не вязалось с резкими, словно высеченными ножом глубокими чертами лица из его сна. Только сейчас Чу Даньфэн почувствовал, что окончательно выбрался из тени этого кошмара: они же

совершенно разные люди!

Даже когда младший соученик вырастет, он станет блистательным талантом, светлым и чистым, как горный ветер и луна, и уж точно не будет похож на того угрюмого, упрямого юношу из сна. К тому же он — главный герой гаремного романа, которому предложено собрать гарем по пути, и ему нравятся исключительно мягкие девушки с большой грудью и тонкими талиями, он никак не может быть геем.

При этой мысли Чу Даньфэн вдруг испугался: неужели он сам — гей?! Иначе с чего бы ему с бухты-барахты видеть такие сны?!

<http://bllate.org/book/20986/2130552>